

**В СЕРИИ «ИМПЕРИЯ»
ВЫШЛИ КНИГИ:**

Виват, император!
Армагеддон

Роман Злотников

АРМАГЕДДОН

T8 RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2Рос=Рус)
3-68

Миры Романа Злотникова

Злотников, Р.В.

3-68 Армагеддон / Р.В. Злотников – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM. – 384 с. – (Империя).

ISBN 978-5-519-65962-8

Став президентом, а точнее, Императором Российской империи, Дмитрий Ярославичев проводит серию кардинальных реформ. Отложив разработку сырьевой отрасли, Россия делает рывок в области машиностроения и высоких технологий и становится монополистом на мировом рынке. Мировая общественность негодует.

Восток и Запад активно проявляют антироссийские настроения. «Эти русские слишком много о себе думают, пора поставить их на место», – рассуждают в правительстве США. Круг сужается, и вот уже Россия вынуждена готовиться к войне... Но готов ли к этому новый император? На самом деле все это часть грандиозного плана, цель которого – объединение человечества. Космос – последний рубеж. Преодолеть его возможно только единым, всепланетным государством.

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FLC
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-519-65962-8

© Роман Злотников, 2001
© Т8 RUGRAM, оформление, 2018

ПРОЛОГ

Денек был хорош. Яркий, солнечный, умытый небольшим ночным дождиком, он сверкал, словно начищенный петровский пятак, заставив пенсионеров, составлявших основную массу пассажиров этой утренней электрички, забыть о проблемах, безденежье, старческих болячках, повытаскивать на свет божий заботливо укутанные по осени в старые тряпки лопаты, грабли и тяпки и, подобно леммингам во время их странных кочевков, устремиться толпой на штурм электричек. Вот толпа выплеснулась на перрон и торопливо двинулась к автобусным остановкам, по пути смешавшись с теми, кто по утреннему холодку спешил к привокзальному рынку, вольготно раскинувшемуся на специально огороженной территории, своевольно выплеснувшись на ступеньки подземного перехода и даже протянувшему свои щупальца к самым автобусным остановкам.

Высокий подтянутый майор с эмблемами горного стрелка, неторопливо двигавшийся в толпе, вдруг остановился и замер, не отрывая глаз от безногого мужика, сидевшего на грязноватом половичке с полужакрытыми глазами и тихонько, с надрывом, тянувшего: «И на рассвете вперед уходит рота солдат...», неумело подыгрывая себе на гитаре. Несколько мгновений офицер вглядывался в лицо,

искривленное страдальческой гримасой, затем шагнул вперед и негромко позвал:

— Григорий? Изгаршин?

Безногий вздрогнул, его лицо мертвенно побледнело, он медленно открыл глаза:

— Командир?..

Майор присел на корточки, снял фуражку и пригладил волосы.

— Вот, значит, как...

Безногий сглотнул. Несколько мгновений они оба молчали, и это молчание да еще разительный контраст между чисто выбритым, лоценым офицером и заросшим щетиной, каким-то замызганным, опустившимся инвалидом — при том, что они тем не менее явно были *одно*, — как бы обособило их от многолюдного потока, отделило напрочь от весеннего тепла и суеты выходного дня.

— Давно ты так?

Безногий скривил губы в непонятно что обозначающей тоскливой гримасе.

— У тебя есть квартира? Пенсия?

Безногий хмыкнул. Майор покачал головой и поднялся на ноги.

— Вот что, Григорий, пожалуй, нам стоит пообщаться поближе.

На небритых щеках безногого заиграли желваки.

— Нет, командир, не о чем нам разговаривать. Да и как? Половичка мне одному мало, да и не сядешь ты на него, а туда, где ты сядешь, меня не пустят. Да и ползти долго, мне еще... день отработать надо. — Инвалид скрипнул зубами. — Разошлись наши дорожки, и теперь уж навсегда...

Майор криво усмехнулся, безногий замер. Когда его взводный, на погонах которого тогда еще сверкало по паре маленьких лейтенантских звездочек, усмехался *так*, очень многое, что казалось раньше невозможным, неожиданно переставало быть таковым.

— Ну это мы еще посмотрим... — Майор, гибко наклонившись, с неожиданной легкостью поднял безногое, но довольно массивное тело. — Держись за шею.

Инвалид сдавленно произнес:

— Измажу...

Однако майор лишь насмешливо фыркнул и двинулся вперед легким, неспешным прогулочным шагом...

Когда они вышли из подземного перехода, впереди нарисовались двое качков. Вот они заметили необычное зрелище, на которое смотрели почти все, кто в тот момент шел по переходу или в его сторону, секунды две оторопело пялились на странную парочку, затем один из них поспешно подскочил к майору:

— Эй, ты че, ты куда безногого понес?

Майор остановился, резко развернулся (так, словно у него на руках ничего не было) и, окинув двойку громил небрежно-презрительным взглядом, вполголоса произнес:

— Это мой бывший солдат. Мы решили немного выпить. — Он мгновение помедлил. — А почему это вас так заинтересовало?

Качок, задавший вопрос, наморщил лоб, напряженно переваривая информацию, затем его лицо прояснилось и он уже открыл было рот, чтобы вежливо предложить этому придурку в форме положить вещь на место и не вмешиваться в бизнес, когда его опередил второй:

— Какие проблемы, командир? Все в ажуре, идите к «Любаше». Скажите, Баркас послал — обслужит в лучшем виде.

Офицер небрежно кивнул:

— Спасибо, но мы, пожалуй, поищем что-нибудь получше. — Легко развернувшись на каблуках, он направился к стоянке такси. Первый качок проводил их недоуменным взглядом, затем повернулся к товарищу:

— Ты че, Колян, он же... это ж Гришаня-инвалид... нам же Татарин...

Второй окинул его снисходительным взглядом:

— Дурак ты, Молотила. Ты значок на мундире видел? Это ж *терфранец*. Я в армии на них насмотрелся. Если б ты сейчас начал права качать, то уже через пять минут тут была бы толпа ментов и военных. А потом нас в такой бы оборот взяли, что никакой ментовский крышарь не помог бы. — Он помолчал, усиленно размышляя. — А вообще, Татарину надо сказать... Похоже, с Гришаней придется распрощаться. А жаль — не мужик, а золотая жила был. Орденоносец!

— Да ты че, — скривился Молотила, — этот.. военный... он же не наш. Я его никогда здесь не видел. Уедет — и никуда Гришаня не денется.

Второй вздохнул:

— Дурак ты, Молотила, потому тебя и в армию не взяли. Вон даже званий не различаешь. Я ж тебе сказал — это *терранец*. А если они за какое дело берутся, то самое правильное — не путаться у них под ногами. Если этот майор за Гришаню взялся, можешь быть уверен, на вокзале он больше не появится...

В ресторан «Золотая корона» их пустили не сразу. Метрдотель сначала пораженно уставился на неожиданное явление, возникшее на пороге его фешенебельного ресторана, после чего попытался деликатно намекнуть, что остальные гости будут не в восторге от подобного соседства. А потому он предпочтет лучше потерять двух столь уважаемых клиентов, нежели лишиться всех остальных и своими руками разрушить ауру престижности, окружающую его заведение. Но майор только улыбнулся (правда, *так*, что у метрдотеля по спине пробежали мурашки) и учтиво сказал:

— Мы никоим образом не хотим создавать вам лишних проблем. И если среди ваших посетителей есть люди, коим созерцание кавалера ордена Анд-

рея Первозванного с мечами может создать проблемы с пищеварением, то мы готовы оплатить отдельный кабинет.

Метрдотель несколько мгновений вглядывался в холодно блестящие глаза высокого военного, которому дополнительный груз, казалось, нисколько не мешал вести учтивую беседу, и молча кивнул головой...

Спустя час изрядно ослотивший Григорий закончил свой горестный рассказ:

— ...и за это меня посадили на пятнадцать суток. Но скажу тебе честно, командир, если бы все случилось еще раз, я бы опять дал ему в морду.

Майор некоторое время сидел молча, задумчиво рассматривая на просвет остатки водки в своей рюмке, затем решительным жестом поставил ее на стол и, взяв бутылку, разлил по рюмкам остатки водки.

— Вот что я тебе скажу, Григорий, либо я чего-то не понимаю, либо... кто-то другой еще не понял, что мы живем в империи! Сдается мне, более вероятно второе. А потому давай-ка на посошок и... поехали.

— Куда? — оторопело спросил инвалид.

— Увидишь. — Майор усмехнулся и лихо опрокинул рюмку.

Когда эта неординарная парочка появилась в приемной губернатора, секретарша, которая и так была не в очень хорошем настроении, еле сдержала раздражение (опять охрана прошляпила каких-то полоумных). Дело в том, что сегодня был вроде бы как выходной и она собиралась пораньше сбежать с работы — смотаться к подружке на смотрины. У той появился новый хахаль, а у него, как выяснилось, есть приятель, немолодой, не особенно богатый, разведенный и с некоторыми проблемами в сексуальной сфере, короче, как раз то, что ей надо, чтобы, с одной стороны, быть «замужем», а с другой — не менять привычного образа жизни. Но шеф еще

утром прозрачно намекнул, что вечер сегодня для нее закончится поздно и, скорее всего, в «Медведях» (загородном доме для приема почетных гостей). В принципе она была совершенно не против. Губернатор — мужчина видный и в самом соку, к тому же подобное «неформальное» общение приносило кое-какие дивиденды материального плана, но сегодня... Итак, секретарша с трудом сдержала раздражение и, вымучив улыбку, которая ей самой казалась вполне приветливой, вежливо спросила:

— Вы к кому, господа?

Тот, что стоял на своих ногах, улыбнулся в ответ и без какой-либо натуги в голосе (что было, в общем-то, необычно, поскольку кабинет губернатора располагался на четвертом этаже старого, еще сталинской постройки, здания областной администрации, и ему пришлось волочить на себе эту безногую обузу аж двенадцать лестничных пролетов) ответил:

— Этот человек — кавалер ордена Андрея Первозванного с мечами Григорий Изгаршин. Мы идем к губернатору.

Секретарша, внутренне воздев руки к небу, незаметно нажала кнопку вызова охраны и, повторив (опять безуспешно) свое покушение на приветливую улыбку, терпеливо пояснила:

— К сожалению, губернатор сейчас занят и не может вас принять. У него серьезное совещание.

Майор снова улыбнулся в ответ, но на этот раз с некоторой иронией:

— Ничего, мы подождем.

Секретарша снова нажала кнопку (что они там, заснули, что ли?) и ответила, уже не пытаясь скрыть раздражение:

— Боюсь, сегодня у губернатора слишком плотный график и вряд ли найдется время вас принять.

В этот момент двери приемной распахнулись и на пороге появились два сержанта-милиционера.